Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Свои и чужие. Об одном нетипичном погребении Которского погоста

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. Статья посвящена публикации одного нетипичного погребения по обряду ингумации, открытого на краю более раннего бескурганного (грунтового) могильника Которск XV, входящего в состав комплекса памятников Которского погоста. Анализ находок позволяет сделать некоторые предположения о причине его появления и родовых или культурных связях погребенной.

Annotation. This paper is a publication of one non-typical interment in the inhumation rite discovered at an edge of an early unmounted (flat-grave) burial ground of Kotorisk XV within the complex of sites of Kotorisk Pogost. Analysis of the finds suggests some suppositions concerning the reason of its appearance and kindred and familial ties of the woman buried here.

Ключевые слова: Новгородская земля, Которской погост, погребальные памятники, ингумация, бескуранные могильники.

Keywords: Novgorod Land, Kotorisk Pogost, burial sites, inhumation, unmounted cemeteries.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-219-226

Вопросы контактов населения различных регионов, межэтнических и культурных связей, миграций и переселения больших человеческих масс — целых племен, народов или отдельных коллективов — традиционно занимают особое место в трудах историков. В то же время микрорегиональный подход, характерный для археологических исследований последних десятилетий, позволяет проследить не только волны перемещений населения, но и судьбы отдельных семей, а иногда и людей.

Среди погребальных комплексов древнерусского времени, связанных с Которским поселением — центром средневекового погоста, есть один, стоящий особняком как по деталям погребального обряда, так и по набору найденных в нем украшений и деталей костюма, его рассмотрению посвящена моя статья.

В целом комплекс памятников у современной дер. Которск Плюсского района Псковской области

достаточно подробно изучен (Соболев, 2015. С. 4–10), состав и взаимное расположение входящих в него памятников также не раз становились предметом специального исследования (Кузьмин, 1991; Кузьмин и др., 2000; 2011; Соболев, 2016а; 2016б; 2017; Mikhailova, 2014; Михайлова, 2014; Михайлова, Соболев, 2019).

Наиболее ранние погребальные памятники, связанные именно с которским поселением², — бескуранные (или грунтовые) могильники с захоронениями по обряду кремации на стороне. Кальцинированные кости и остатки разнообразных вещей — деталей костюма, украшений, бытовых вещей, предметов вооружения, керамики — распределяются в слое могильника, представляющего собой перемешанный позднейшей расправкой слабогумусированный песок светло-серого

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, д. 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

² В состав комплекса памятников входит большая группа курганов КДК, насыпи которой начали возводиться не позднее VIII в. Однако следует признать, что на территории Северо-Запада поиски поселений этой культуры сложны, поэтому возможно, что поселение поблизости было, но пока не выявлено.

Рис. 1. Которской погост и памятники археологии вблизи него: 1 — Городище и селище Которской погост; 2 — южная часть территории усадьбы и парка Уткина Мыза; 3 — курганная группа Полосы III; 4 — одиночный курган Полосы IV; 5 — сопка Полосы I; 6 — группа сопок Полосы II; 7 — сопка в парке усадьбы Уткина Мыза. Римскими цифрами обозначены погребальные памятники населения Которского погоста (номера соответствуют индексам памятников). Условные обозначения: а — сопки; б — одиночные курганы; в — курганные группы; г — поселения; д — граница парка; е — подъездная аллея; ж — территория усадьбы; з — место средневековой церкви и приходского кладбища

Fig. 1. Kotorsk Pogost and archaeological sites near it: 1 — fortified settlement and unfortified site of Kotorsk Pogost; 2 — southern section of the area of the estate of Utkina Myza; 3 — kurgan group Polosy III; 4 — single kurgan Polosy IV; 5 — sopka (barrow with cremation) Polosy I; 6 — group of sopki Polosy II; 7 — sopka in the park of the estate of Utkina Myza. Roman numerals are burial sites of the residents of Kotorsk Pogost (the numbers correspond to the indices of the sites). Keys: а — sopki; б — single barrows; в — kurgan groups; г — settlement sites; д — boundary of the park; е — approach alley; ж — area of the estate house; з — place of the mediaeval church and parish cemetery

цвета, залегающий непосредственно под дерном. Мощность слоя не превышает 25 см.

Всего в составе комплекса на настоящий момент выявлено пять бескурганных могильников (рис. 1), материалы трех из них недавно были проанализированы Е. Р. Михайловой (Михайлова, 2014), в пределах одного из них — грунтового могильника Которск XV — и было открыто рассматриваемое необычное погребение.

Бескурганный могильник Которск XV был найден Б. Г. Лычом в 1997 г. Он расположен в 150–200 м к востоку от могильника Которск IX, на левом коренном берегу р. Городонька, на обращенной в сторону реки северной оконечности низкой озовой гряды, в сосновом лесу. Внешних признаков могильник не имеет (рис. 2).

В 1999 г. в северной части могильника под руководством С. Л. Кузьмина был заложен раскоп площадью 72 кв. м. Из него происходит коллекция из более 200 находок, преимущественно фрагментов украшений (пластинчатых привесок, обоймиц, так называемых наконечников, браслетов, цепочек, застежек, бус), позволяющая датировать кремации концом IX / началом X — началом / первой третью или первой половиной XI в. Материалы данного могильника оказались в целом аналогичны материалам исследованного широкой площадью могильника Которск IX и находкам из отдельных погребений, перекрытых насыпями курганов некрополей Которск III и Которск XI.

В пределах раскопа было обнаружено женское захоронение по обряду ингумации, совершенное на самом краю озовой гряды. Уникальность данного погребения в том, что оно не имело никаких надмогильных сооружений или конструкций, следов их возведения или разрушения, не прослежены и остатки ровиков, часто свидетельствующие об изначально существовавшей в древности и позднее разрушенной надмогильной насыпи. Это существенная деталь, так как все древнерусские ингумации, исследованные в Которском комплексе памятников, подкурганные (более 70 насыпей).

Могила имела отвесные стенки и плоское дно, овальную в плане форму, ее размеры достигали 1,0–1,2 × 2,6 м, глубина от поверхности материка — 0,40–0,45 м; ориентирована по линии запад–восток (рис. 3). В ее заполнении найдено несколько мелких фрагментов кальцинированных костей и оплавленных украшений (рис. 4, 9), попавших из

Рис. 2. Бескурганный могильник Которск XV. Топографический план. Условные обозначения: а — раскоп; б — предполагаемая граница грунтового могильника

Fig. 2. Unmounded cemetery Kotor'sk XV. Topographic plan. Keys: a — excavation, б — possible border of the ground graves

слоя бескурганного могильника. На дне открыты остатки скелета, головой на запад. От черепа сохранились лишь затылочная и теменная части, от скелета — фрагменты бедренных и правой лучевой костей, остальные кости в песчаном грунте полностью истлели (рис. 3). Судя по расположению костей, погребенная лежала вытянуто на спине, руки, вероятно, были согнуты под углом 90° и сложены на животе одна на другой. В районе черепа были найдены одно бронзовое проволочное перстнеобразное височное кольцо со спиральным завитком и следами несохранившихся напущенных на него бусин из свинцово-оловянистого сплава (рис. 4, 1), две бронзовые трапециевидные подвески с проволочными колечками для привешивания (рис. 4, 2, 3) и четыре довольно крупные непрозрачные зонные бусины,

Рис. 3. Бескурганый могильник Которск XV. План и разрез погребения по обряду ингумации: 1, 2 — браслеты; 3 — бусы; 4 — нож; 5 — спиральки; 6 — горшок
Fig. 3. Unmounded cemetery Kotorsk XV. Plan and section of the inhumation grave: 1, 2 — bracelets; 3 — beads; 4 — knife; 5 — spirals; 6 — pot

цвет которых не установим (рис. 4, 4). Справа, в районе предполагаемого пояса, был найден сработанный железный нож 4-й группы по Р. С. Минасяну (Минасян, 1980) с корродированным лезвием (рис. 4, 6). На руках погребенной было надето по широкому пластинчатому браслету, украшенному гравированным орнаментом (рис. 4, 10, 11). В районе ног были собраны бронзовые проволоочные колечки и спиральки небольшого диаметра с сохранившимися внутри тонкими шерстяными нитями, вероятно, украшавшие нижнюю часть одежды или передника (рис. 4, 5). Также в ногах найдены два сильно затертых неопределимых фрагмента серебряных монет (рис. 4, 7, 8).

В ногах погребенной — в районе правого колена — стоял круговой горшок, украшенный по всему тулову врезным линейным орнаментом и рядом полукруглых наколов под венчиком (рис. 5, 5). Также в изножье были найдены фрагменты сильнокорродированной железной цепи из округлых и S-образных звеньев (рис. 5, 3, 4) и две подпрямоугольные пластинки с остатками пропущенных в отверстия звеньев цепи (рис. 5, 1, 2). Возможно, железные предметы — детали от ручки несохранившегося деревянного ведерка, стоявшего в погребении. Узкая датировка погребения достаточно затруднена.

В целом оно может быть датировано от середины XI до конца XII в.³

Схема убора погребенной в целом аналогична женским подкурганым ингумациям соседнего могильника Которск XI (курганы 4, погребение 2, и 5) (височные кольца с напущенными бусинами, изготовленными из оловянистого сплава, ожерелье, горшок и монеты в ногах (Михайлова, 2020. С. 438–441)). В то же время налицо и весьма заметные отличия: малое количество бус, отсутствие привесок к ожерелью или поясу и главное — украшение детали одежды проволоочными колечками и спиральками. Также достаточно необычно смотрятся на общем фоне массивные ленточные браслеты.

Один из браслетов (рис. 4, 10) изготовлен из очень слаборасширяющейся от середины к концам пластины, его концы не имеют утолщений, только по краю идет небольшой валик. По форме он надежно соотносится с выделенным Н. В. Хвоцинской (Хвоцинская, 1994. С. 252) III вариантом залахтовских ленточных браслетов с расширяющимися концами, который соответствует III стадии браслетов этого типа по Х. А. Моора (Moora, 1931). Орнамент концов — плетенка, состоящая «как бы из серии ромбических ячеек. В центре каждой ячейки было выбито ... квадратное углубление» (Хвоцинская, 1994. С. 254), от которого к середине браслета отходит ряд аналогичной

³ Строго говоря, в погребении встречено всего три датированных предмета — проволоочное височное кольцо с остатками напущенных на него бусин (26–8 яруса/989–1382 гг.) (Лесман, 1984. С. 134), основу которого составляет проволоочное перстнеобразное кольцо диаметром около 2 см (23–12 яруса/1055–1299 гг.) (Лесман, 1990. С. 69), трапециевидные подвески (до 12 яруса/до 1299 г.) (Там же. С. 62) и нож (до 17 яруса / до 1197 г.) (Лесман, 1984. С. 138), которые позволяют сузить время формирования комплекса только до интервала 1055–1197 гг. Нумизматические материалы никак не влияют на датировку: фрагменты сильно затерты, надписи на них нечитаемы. По размерам и отдельным видимым знакам можно утверждать, что это арабский чекан или подражание ему. Стоит отметить, что на поселении и в слое бескурганых могильников были найдены только фрагменты дирхемов, тогда как в древнерусских ингумациях преобладало западноевропейское серебро. Арабские монеты перестали поступать в Европу в начале XI в. (Янин, 2009. С. 146), что позволяет видеть в них ранний хронологический признак. Однако нельзя не отметить, что в ингумациях Которского погоста арабские монеты, найденные в трех погребениях, имеют хронологический разрыв между временем чеканки и временем выпадения в комплекс до 200 лет.

Рис. 4. Бескурганский могильник Которск XV. Находки из погребения по обряду ингумации: 1 — височное кольцо; 2, 3 — трапециевидные подвески; 4 — иризованные стеклянные бусы; 5 — колечки и спиральки; 6 — нож; 7, 8 — фрагменты монет; 9 — фрагмент браслета; 10, 11 — браслеты. 1 — бронза, остатки оловянистого сплава; 2, 3, 5, 9–11 — бронза; 4 — стекло; 6 — железо; 7, 8 — серебро

Fig. 4. Unmounded cemetery Kotorok XV. Finds from the inhumation grave: 1 — temple ring; 2, 3 — trapezoid pendants; 4 — iridized glass beads; 5 — rings and spirals; 6 — knife; 7, 8 — fragments of coins; 9 — fragment of a bracelet; 10, 11 — bracelets. 1 — bronze, remains of a tin alloy; 2, 3, 5, 9–11 — bronze; 4 — glass; 6 — iron; 7, 8 — silver

плетенки, завершающейся группой нанесенных штампом кружков. По схеме Н. В. Хвошинской данная композиция орнамента соотносится с наиболее поздними типами ленточных браслетов (Там же. С. 255, рис. 2, 5).

Второй браслет (рис. 4, 11) был изготовлен из более узкой пластины, не имеющей утолщений

или валиков на концах. Орнамент составлен из вытянутых вдоль его оси гравированных прямых и пересекающихся линий, нанесенных гравером и зубчатым колесиком, также дополненных выбитыми, как кажется, достаточно хаотически, кружками. В целом браслет выглядит сделанным менее аккуратно. Он также может быть отнесен к тому

Рис. 5. Бескурганый могильник Которск XV. Находки из погребения по обряду ингумации (продолжение). 1–4 — железо; 5 — керамика

Fig. 5. Unmounded cemetery Kotorok XV. Finds from the inhumation grave (continued). 1–4 — iron; 5 — pottery

же III варианту (Хвоцинская, 1994. С. 252). Браслеты этого типа, по мнению Н. В. Хвоцинской, являются «ярким этническим индикатором материальной культуры одной из групп западного древнефинского населения» (Там же. С. 256).

Ю. М. Лесман, анализируя археологические находки последних десятилетий, происходящие

с западной части Ижорского плато, предположил более широкое территориальное и хронологическое распространение данного типа браслетов в пределах Новгородской земли, связав это с группами местного нерусского населения, несшего пограничную службу в Древнерусском государстве в XI и отчасти XII в., а возможно, уже и в конце X в. (Лесман, 2011).

Изготовленные из бронзовой проволоки спиральки и колечки были найдены в районе ног погребенной. К сожалению, проследить их точное расположение в могиле не удалось, не сохранились и связанные с ними фрагменты ткани, лишь отдельные законсервированные окислами металлов нитки (рис. 4, 5). Размер колечек, согнутых из проволоки диаметром около 1 мм, колебался между 4 и 8 мм, спиральки в 3–6 витков, свернутые из очень тонкой медной проволоки, в длину и в диаметре не превышали 5 мм. Украшение ткани проволоочными спиральками и колечками нехарактерно для древнерусского населения Верхнего Поплюсья. В то же время мелкие бронзовые элементы, втыкавшиеся, вплетавшиеся в ткань или нашивавшиеся на нее, характерны для многих средневековых народов Балтийского региона. Н. В. Хвоцинская, уделившая большое внимание особенностям изготовления и украшения тканей (Хвоцинская, 1993; 2004. С. 110–126), пришла к выводу, что полное совпадение орнаментальных композиций тканей и сочетание спиралек различных размеров в погребальных памятниках Эстонии и Восточного Причудья являются «важным аргументом в определении этнической принадлежности жителей Залахтовья», позволяя рассматривать их «как переселенцев с западного побережья Чудского озера» (Хвоцинская, 2004. С. 116). Конечно, количество собранных в рассматриваемом погребении спиралек весьма невелико и не может напрямую сопоставляться с деталями одежды, найденными, например, в залахтовских курганах (181, 185 или 208 — раскопки Н. В. Хвоцинской), но и не заметить очевидного сходства с фрагментом ткани из погребения 23 (раскопки К. Д. Трофимова; Трофимов, 1909) невозможно.

Обнаруженные в рассматриваемом погребении фрагменты арабских монет или подражаний им ставятего в один ряд с ранними подкурганскими ингумациями (Которск III, курган 35; Которск XI, курганы 6 и 10, погребение 1). В то же время прослеженные Н. В. Хвоцинской тенденции развития ленточных браслетов Залахтовья делают,

на мой взгляд, более вероятной позднюю датировку рассматриваемого комплекса в рамках обозначенного нами хронологического интервала. Косвенно это подтверждается отсутствием среди находок украшений; маркирующих ранний этап древнерусской культуры (Соболев, 2020).

Раскопки показали, что древнерусские курганные некрополи Которского погоста (Которск III, IX и XI) топографически связаны с более ранними бескурганными кладбищами (Кузьмин и др., 2010. С. 80–81). Модель развития всех трех перечисленных кладбищ такова. Ранние ингумации (датируемые временем около середины XI в.) совершаются на краю дохристианских бескурганных могильников, хронологический разрыв с которыми изначально минимален. С течением времени курганы «наползают» на них, насыпей перекрывают отдельные кремации, консервируя их (например, Которск III, курган 17 или Которск IX, курган 23). Анализируемое погребение, на первый взгляд, почти укладывается в данную схему, однако именно микротопография (совершение захоронения на краю склона), значительно больший хронологический разрыв (особенно принимая во внимание вероятную датировку погребения серединой — второй половиной XII в.) и отсутствие над ним насыпи

противоречат этой схеме. Вместе с тем вряд ли рассматриваемое захоронение имело экстраординарный (криминальный или, например, санитарный) характер. Наличие украшений и соблюдение некоторых деталей погребального обряда позволяют отвергнуть такую версию.

Факт совершения погребения на старом, неиспользуемом кладбище в условиях функционирования на расстоянии 200–250 м двух действующих должен иметь свое объяснение. Ранее мной и моими коллегами уже высказывалось предположение о том, что каждый бескурганный могильник и каждая наследующая ему древнерусская курганный группа Которского погоста являлись семейными некрополями. Данное предположение основано на размере поселения, насчитывавшего 3–5 дворов, и соответствующем числу дворов количеству синхронно функционирующих в его ближайших окрестностях грунтовых могильников, а позднее курганных групп.

Если предположение верно, то это объясняет захоронение «посторонней» женщины не на «своем» родовом кладбище, а на краю старого, давно неиспользуемого. Прослеженные аналогии деталям костюма указывают на возможное направление поиска «родины» погребенной.

Кузьмин, 1991 — Кузьмин С. Л. Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 1991. С. 153–168.

Кузьмин и др., 2010 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 70–82.

Кузьмин и др., 2011 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Которской погост — раннесредневековый центр на западе Новгородской земли // Тр. III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 62–63.

Лесман, 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвузовский сб. / Ред. Г. С. Лебедев. Л.: ЛГУ, 1984. С. 118–153.

Лесман, 1990 — Лесман Ю. М. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли 1988 / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород: б. и., 1990. С. 29–98.

Лесман, 2011 — Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // РАЕ. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. № 1. С. 396–420.

Минасян, 1980 — Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21. С. 68–74.

Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Михайлова, 2020 — Михайлова Е. Р. Древнерусские курганы могильника Которск IX // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: ВАШ, 2020. С. 433–446.

Михайлова, Соболев, 2019 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Которское селище — рядовой погост,

- нерядовой памятник // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 51–68.
- Соболев, 2015 — Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород: Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. С. 4–32.
- Соболев, 2016а — Соболев В. Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 22. С. 238–245.
- Соболев, 2016б — Соболев В. Ю. Которской погост. Работы 2012–2014 гг. и некоторые итоги топографического обследования археологического комплекса // АиИПиПЗ. Вып. 31 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин). М.: ИА РАН, 2016. С. 255–261.
- Соболев, 2017 — Соболев В. Ю. Которской погост в системе средневековых крепостей запада Новгородской земли // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Тр. Восьмой Междунар. науч.-практич. конф. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 216–229.
- Соболев, 2020 — Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: ВАШ, 2020. С. 447–452.
- Трофимов, 1909 — Трофимов К. Д. Раскопки курганов при д. Залахтовье Кувшиново Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда. М.: Археолог. ин-т, 1909. 18 с.
- Хвоцинская, 1993 — Хвоцинская Н. В. Об особенностях костюма населения Восточнобалтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Отв. ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 157–166.
- Хвоцинская, 1994 — Хвоцинская Н. В. Новые данные о типологии широких ленточных браслетов // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников. СПб.: Art-contact, 1994. С. 250–256.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Янин, 2009 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 414 с.
- Mikhailova, 2014 — Mikhailova H. Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land // Linnuste raamatu eestikeelene paralleelpealkiri. Muinasaja teadus. 24. Tartu, 2014. P. 157–186.
- Moora, 1931 — Moora H. Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1929. Tartu, 1931. S. 25–44.

The relatives and aliens. About one non-typical burial in Kotorsk Pogost

V. Yu. Sobolev

This paper is a publication of one non-typical burial in the inhumation rite discovered during excavations of an unbounded (flat-grave) burial ground of Kotorsk XV within the complex of sites of Kotorsk Pogost. Kotorsk XV is one of the unbounded cemeteries containing burials in the rite of cremation aside dated to the boundary between the 9th–10th and beginning/first half of the 11th century. An inhumation grave was made at the edge of an old pre-Christian cemetery; over the grave, no mound (kurgan) was erected, this fact being quite non-typical here. The remains of a costume and ornaments have parallels at the boundary of the Novgorod Land (east Lake Chudskoye region), including burials at the cemetery of Zalakhtovye. Sometime ago the supposition was proposed that the unbounded burial grounds and succeeding to them Old-Russian kurgan groups were familial cemeteries of the inhabitants of Kotorsk Pogost. The remains interred according to the Christian rite but at the edge of a pre-Christian necropolis, possibly, belong to a woman with no familial connections with the residents of the pogost (parish).